

В. М. Строгоцкий

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АФИН
И СПАРТЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ПЕРВОЙ ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ
(460—455 годы)

В истории Пентеконтаэтии едва ли не главным событием была так называемая первая Пелопоннесская война. В данной статье мы ограничимся лишь интерпретацией некоторых внутривнутриполитических событий в Афинах и Спарте и выяснением особенностей их внешней политики в начальный период войны. Хронологические рамки (460—455 годы) объясняются следующим: в 460 г. после изгнания Кимона остракизмом Афины разорвали союзные отношения со Спартой (на этот год, как считают многие исследователи, приходится начало первой Пелопоннесской войны; мы разделяем эту точку зрения, хотя некоторые ученые принимают за начало войны 457/456 год — год непосредственного включения Спарты в военные действия), 455 год — это год, когда Афины добились наивысших достижений в этой войне.

Современные исследователи пересматривают традиционное объяснение происхождения первой Пелопоннесской войны, исходящее из гипотезы о про- и антиспартанской партиях в Афинах и мирной и военной партиях в Спарте¹. Действительно, такого рода концепция страдает упрощенством в подходе к решению сложных вопросов и нередко искажает подлинный характер событий. Невозможно, однако, согласиться и с мнением, предложенным взамен, согласно которому первая Пелопоннесская война явилась результатом непримиримой вражды Коринфа и Эгины с Афинами². В этом случае авторы подчеркивают лишь формальную причину войны. Между тем война — это явление социально-политическое, и поэтому необходимо внешнюю политику Афин и Спарты рассматривать в диалектической взаимосвязи с внутривнутриполитическими отношениями в этих полисах.

Своеобразие внутривнутриполитических отношений в Афинах определялось тем, что здесь афинская модель полиса, оформившегося в результате реформ Солона и Клисфена, в отличие от Спарты, не препятствовала

¹ Критические высказывания в адрес этой гипотезы см. *Sealey R. A History of the Greek City-States 700—338 B. C. Univ. Calif. Press, 1966, p. 262 ff.* Тем не менее некоторые современные исследователи по-прежнему придерживаются этой точки зрения (см. *Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca and London, 1969, p. 77 ff.*).

² *Sealey. Op. cit., p. 263 ff.*

процессу развития товарно-денежных отношений. Среди афинских граждан были не только земледельцы и землевладельцы, но также ремесленники, торговцы, моряки и другие категории гражданского населения, не связанные с земледелием. Поэтому по мере того как роль этой части граждан в общественно-политической жизни Афин усиливалась, создавались благоприятные предпосылки для дальнейшей демократизации афинского общества³. Античные авторы связывают это с тем моментом, когда важную роль в Афинах начал играть флот, и беднейшие слои граждан стали служить на кораблях, что сделало более весомым их голос в народном собрании.

В значительной степени активизация политической роли этой части афинских граждан была обусловлена деятельностью Фемистокла накануне и в ходе Греко-Персидских войн. Демократические реформы 80-х годов V в. до н. э. и морская программа Фемистокла угрожали политическому влиянию аристократических семей в Афинах. Их разобщенность привела к тому, что многие выдающиеся представители знатных фамилий Алкмеонидов, Писистратидов, Кериков и др. были изгнаны из Афин.

Угроза персидского нашествия, однако, способствовала объединению патриотических сил в целях обеспечения общегреческой безопасности. Была предоставлена амнистия изгнанникам. Участвуя в военных походах, представители знати укрепили свой авторитет и восстановили былое влияние. Теперь они стремились не потерять поддержку народа и объединиться в целях сохранения своего политического авторитета в Афинах. Этому способствовало также усиление Ареопага, который в течение 17 лет (с 479 по 462 г.) фактически управлял государством⁴.

Современные западноевропейские исследователи не видят в противоборстве Кимона, с одной стороны, и Фемистокла и Эфиальта, с другой, социальной подоплеку и считают его следствием личного соперничества и расхождения во взглядах на характер внешней политики Афин⁵. Между тем социально-политический характер внутриполитической борьбы нельзя исключать, и деятельность Кимона в этой связи служит лучшим доказательством этого. Главная заслуга Кимона в области внутривластных отношений заключалась в том, что ему удалось сплотить силы знати и, опираясь на господствующее положение Ареопага, оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику афинской демократии.]

Кимон, так же как и другие представители аристократических семей (например, Аристид и Ксантипп), немало сделал для укрепления афинского полиса. Вместе с тем не случайно Кимон выступает в источниках как сторонник и носитель традиций клисфеновской демократии (Plut., Cim. 15). От реформ Клисфена, завершивших формирование афинского полиса, и до реформ Эфиальта, в результате которых полис, как отмечает Плутарх, был брошен в руки крайней демократии (*ἄκρατον δημοκρατίαν*), прошло свыше 40 лет. За это время развитие товарно-денежных отношений превратило Афины в крупный торгово-ремесленный город. Этот процесс нашел свое отражение как в реформах 80-х годов и морской программе Фемистокла, так и в реформах Эфиальта в конце 60-х годов. Все сказанное подтверждает правильность вывода, сделанного Г. А. Кошеленко о том,

³ Arist., Pol. II, 9, 4; Y, 3, 5; Xen., Ath. Pol. I, 2 sqq. Ср. Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики.— В кн.: Античная Греция, т. I, М., 1983, с. 217.

⁴ Об этом см. Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution. Oxf., 1962, p. 27 ff.; Kagan. Op. cit., p. 67; Цуканова М. А. Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г.— В кн.: Античный мир и археология, вып. 1, Саратов, 1972, с. 143—153.

⁵ Sealey. Op. cit., p. 257 ff.; Kagan. Op. cit., p. 57 ff.; Connor W. R. The New Politicians of Vth Cent. Athens. Princeton, 1971, p. 11 ff.

что специфической особенностью древнегреческого общества было формирование внутри полиса городской социально-экономической структуры⁶. Опираясь на этот вывод, можно рассматривать конфликт между Кимоном, с одной стороны, и Фемистоклом и Эфиальтом, с другой, как результат взаимодействия двух противоположных структур (полисной и городской).

Укрепление союза аристократических фамилий и господство Ареопага, олицетворяющего консервативные тенденции в развитии афинского полиса, вызвали недовольство радикальных городских слоев и их лидера Эфиальта, который осуществил ряд важных демократических реформ, способствовавших окончательной ликвидации политического влияния афинской знати.

Появление на политической сцене после гибели Эфиальта Перикла не было результатом только личного соперничества среди знатных городских фамилий за преобладание, как считают некоторые современные исследователи⁷. Оно было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития афинского полиса. В условиях значительной активизации и роста военной и политической роли афинского демоса Перикл, аристократ, выходец из рода Алкмеонидов, как и в свое время его дядя Клисфен, осознал необходимость опоры на демократические слои, ибо дальнейшее укрепление афинского могущества становилось несовместимым с лаконофильской политикой Кимона. Понимая это, Перикл, вводя прогрессивные формы правления, стремился до конца преодолеть консерватизм и косность во внутренней политике Афин и перейти к более энергичным и решительным внешнеполитическим действиям.

Итак, падение господства Ареопага и изгнание в 461 г. остракизмом вождя знати Кимона явились не только поворотным пунктом внутривнутриполитического развития Афин, но и обусловили характер и новое направление афинской внешней политики.

Согласно Фукидиду (I, 102,3; ср. Diod., XI, 64, 3), поход четырехтысячного отряда афинских гоплитов во главе с Кимоном на помощь спартамцам против восставших илотов, закрепившихся на Ифоме, впервые (πρῶτον) со времени Греко-Персидских войн повлек к открытой вражде между лакедемонянами и афинянами. Спартамцы, опасаясь, что афиняне могут вступить в соглашение с ифомцами, потребовали, чтобы первые покинули пределы Пелопоннеса. Афиняне, считая себя оскорбленными таким отношением лакедемонян, разорвали заключенный с ними союз против персов.

Вопрос о разрыве отношений между Спартой и Афинами привлекал внимание многих исследователей, и в настоящее время он не потерял своей дискуссионной остроты⁸. Некоторые авторы подвергают сомнению основательность подозрений лакедемонян. Однако аргументы, приводимые ими, едва ли можно считать убедительными. Так, например, в литературе высказывается мнение, что посланный на помощь лакедемонянам корпус Кимона состоял только из представителей высших классов (так как четвертый класс — феты — по преимуществу не выставлял гоплитов), поэтому

⁶ Кошеленко. Ук. соч., с. 237 сл.

⁷ Sealey R. The Entry of Perikles into History.—Hermes, 1956, 84, p. 234—247; Frost F. J. Perikles, Thucydides, Son of Melesias and Athenian Politics before the War.—Historia, 1964, 13, p. 38 ff.; Connor. Op. cit., p. 3 ff.

⁸ Cloché P. La politique extérieure d'Athènes de 462 à 454 av.J.-Ch.—L'Antiquité classique, 1942, XI, p. 33—36; Klafienbach G. Das Jahr der Kapitulation vom Ithome.—Historia, 1950, 1, S. 231 ff.; Sealey. The Entry..., p. 234—247; idem. The great Earthquake in Lacedaemon.—Historia, 1957, 6, p. 368 ff.; Kagan. Op. cit., p. 74 ff.; De Ste Croix G. E. M. The Origin of the Peloponnesian War. L., 1972, p. 180 ff.

войны Кимона не склонны были помогать восставшим⁹. Но прежде всего неправильно было бы думать, что сторонники Эфиальта находились только среди фетов. По-видимому, драма Кимона заключалась именно в том, что абсолютное большинство афинских граждан склонялось в пользу демократических преобразований¹⁰. Поэтому, вероятно, сторонники Эфиальта, враждебно настроенного к Спарте, были и среди гоплитов Кимона. Таким образом, основания опасаться, что афиняне вступят в контакт с ифомцами, у лакедемонян имелись, тем более что впоследствии тех восставших, которым спартанцы разрешили покинуть Пелопоннес, именно афиняне поселили в Навпакте.

Не убеждает также скептическое отношение некоторых современных исследователей к самому сообщению Фукидида об опасениях Спарты¹¹, которое стало основополагающим для всей известной литературной традиции¹². Вникая в содержание этого сообщения, необходимо отметить, что, хотя Фукидид и не знал, какие конкретно действия афинян могли настроить лакедемонян (I, 102, 3), и поэтому привел различные возможные причины, побудившие лакедемонян удалить афинян из Пелопоннеса (I, 102,2—3), тем не менее он был уверен, что в условиях столь глубоко зашедших противоречий между лакедемонянами и афинянами (что Фукидид неоднократно подчеркивал в своих предшествующих сообщениях) как для тех, так и для других нужен был повод, чтобы расторгнуть ставшие для обоих помехой союзные отношения.

Разорвав союз со Спартой, Афины заключили соглашение с ее злейшим врагом Аргосом, а также с Фессалией¹³. Оценка этого союза в историографии довольно противоречива. Так, например, уже Глоц и Коэн в свое время заметили, что заключение союза между Афинами и Аргосом открыло период *l'impérialisme armé*. Против этой точки зрения выступил П. Клоше¹⁴. Многие современные исследователи стали усматривать в действиях Афин истоки их «империалистической» политики¹⁵. Другие ученые не придают особого значения этому факту¹⁶.

⁹ *Cloché*. Op. cit., p. 33 f.; *Glötz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. II. P., 1931, p. 137. Вызывает возражение суждение авторов о том, что феты не могли служить гоплитами. По крайней мере в 60-е годы V в., после широкой демократизации афинского общества, в результате деятельности Фемистокла феты уже использовались на гоплитской службе. Ведь если метеки служили гоплитами накануне Пелопоннесской войны (*Thuc.*, II, 13, 7), то тем более феты, будучи афинскими гражданами, могли быть использованы на гоплитской службе.

¹⁰ О безуспешных попытках Кимона противодействовать демократическим преобразованиям в Афинах см. *Plut.*, Per. 15.

¹¹ *Walker E. M.* — In: *CAH*, v. V, p. 82. В недавнее время попытку умалить значение этого сообщения Фукидида предпринял Дж. Р. Коул (*Cole J. R.* — *GRBS*, 1974, 15, p. 369—385). Информация приводится из статьи: *Holladay A. J.* Sparta's Rolle in the First Peloponnesian War. — *JHS*, 1977, 97, p. 54, not. 6.

¹² См. *Diod.*, XI, 64, 2; *Plut.*, Cim. 17; *Paus.*, I, 29, 8—9; IV, 24, 6—7; *Just.*, III, 6.

¹³ *Thuc.*, I, 102, 4; II, 22, 3; *Paus.*, I, 29, 9; IV, 24, 7; *Aesch.*, Eumen. 287—291, 667—673.

¹⁴ *Glötz, Cohen*. Op. cit., t. II, p. 144; Cp. *Cloché*. Op. cit., p. 36 suiv.

¹⁵ *Meiggs R.* The Growth of Athenian Imperialism. — *JHS*, 1943, 63, p. 21—34; *Dover K. J.* The Political Aspect of Aeschylus Eumenides. — *JHS*, 1957, 70, p. 230 ff.; *Davison J. A.* Aeschylus and Athenian Politics 472—456 B. C. — In: *Ancient Society and Institution*. N. Y., 1967, p. 93—107; *De Ste Croix*. Op. cit., p. 182 ff.; *Sordi M.* Athene e Sparta delle Guerre Persiane al 462/461 a. C. — *Aevum*, 1976, 50, fasc. 1—2, p. 25—41.

¹⁶ *Sealey*. A History..., p. 262 ff.; *Kagan*. Op. cit., p. 77 ff.; *Kelly Th.* Argive Foreign Policy in the Fifth Cent. B. C. — *ClPh*, 1974, 69, p. 83 ff.

Рассмотрим более внимательно сообщение источников о заключении Афинами союза с Аргосом и Фессалией. Во-первых, Фукидид подчеркивает открыто враждебный характер по отношению к Спарте самого акта заключения союза с Аргосом. Он указывает на то, что инициатива разрыва отношений со Спартой принадлежала афинянам, и отмечает, что Аргос был врагом Спарты¹⁷. Во-вторых, афиняне, заключив соглашение с аргосцами и фессалийцами, окончательно отказались от тех принципов эллинской политики, которые были сформулированы при создании эллинского союза в 481 г., а именно: общими силами вести борьбу против персов и против тех эллинских государств, которые добровольно выступали на стороне персидского царя (см. *Herod.*, VII, 132; 148—149). Аргос и Фессалия были именно такими государствами. С этого времени эллинский союз против персов прекратил свое существование не только формально, но и фактически. В-третьих, заключив союз с этими полисами, афиняне создали анти-спартанскую коалицию. Так, Фукидид сообщает, что афиняне и аргосцы оформили скрепленный одинаковыми клятвами союз с фессалийцами (*Thuc.*, I, 102,4: ... καὶ πρὸς Θεσσαλοῦς ἀμα ἀφοτέροις οἱ αὐτοὶ ἔρχοι καὶ ἑστιάται κατέστη). В-четвертых, заключая союз с Аргосом, Афины фактически воплощали в жизнь политику, которую начал было проводить еще Фемистокл¹⁸, но для осуществления которой в те годы не сложились необходимые внутриполитические и внешнеполитические условия. Целью этой политики было расширение и укрепление афинского влияния в Центральной Греции и Пеллопоннесе. О том, что афиняне не были равнодушны к событиям, происходившим в Пеллопоннесе и на Истме, свидетельствует сообщение Плутарха в его биографии Кимона (*Cim.* 17), по-видимому, почерпнутое им из современного этим событиям источника. Из этого сообщения ясно вытекает, что Коринф и Спарта были обеспокоены усилившимся могуществом афинян и их энергичной политикой, а афиняне со своей стороны строили планы в отношении Аролиды и Мегариды.

Следующим внешнеполитическим актом Афин поэтому и был союз с Мегарами. Детальные сведения об этом сообщают Фукидид (I, 103, 4) и Диодор (XI, 79, 1—2). Согласно Фукидиду, мегаряне, находившиеся в составе Пеллопоннесского союза, отложились от него, потому что у них возникла война с Коринфом из-за пограничной области (*Plut.*, *Cim.* 17, 1—2). По этой причине мегаряне заключили союз с Афинами и стали членом Делосской симмахии¹⁹. Мегары представляли для Афин очень важный

¹⁷ Спарта и Аргос были извечными врагами. После Клеоменовой войны и разгрома Аргоса в 520 году договор о мире между ними не был заключен (ср. *Herod.*, VII, 148). Мы не разделяем утверждение Т. Келли (*Kelly Th. The Traditional Enmity between Sparta and Argos. The Birth and Development of a Myth.*—*ANR*, 1970, 75, p. 971 ff.; *idem. Argive Foreign Policy...*, p. 81 ff.) о том, что традиционная враждебность между Спартой и Аргосом является мифом, рожденным литературой IV в. до н. э. Мнения Геродота и Фукидида о враждебных отношениях между лакедемонянами и аргивянами невозможно игнорировать.

¹⁸ Еще в 70-е годы Фемистокл воспрепятствовал Спарте, стремившейся наказать те государства, которые добровольно выступали на стороне персидского царя, и исключить их из Дельфийской амфикистии (*Plut.*, *Them.* 20, 3—4; ср. *Herod.*, VII, 132). Некоторые исследователи рассматривали эту историю как фикцию (см. *Walker. Op. cit.*, p. 36). Однако Бенгтсон и другие ученые признали, что свидетельство Плутарха отражает историческую реальность (см. *Bengtson H. Themistokles und die delphische Amphiktyonie.*—*Eranos*, 1951, 49, S. 85—92; *Flacelière K. Sur quelques points obscurs de la vie de Thémistocle.*—*REA*, 1953, 55, p. 19—28).

¹⁹ См. *Thuc.*, I, 103, 4; *Diod.*, XI, 79, 1—2; *Plut.*, *Cim.* 17, 1—2; ср. *Andoc.*, III. К этому см. *Cloché. Op. cit.*, p. 212 suiv.; *Kagan. Op. cit.*, 77 ff.; *De Ste Croix. Op. cit.*, p. 187 ff.; *Legon R. P. Megara. The Political History of Greek City-State to 336 B. C. L.*, 1981, p. 174 f.

в стратегическом отношении район, поскольку они имели гавани на побережье Коринфского (Пеги) и Саронического (Нисея) заливов и контролировали единственную сухопутную дорогу, ведущую в Пелопоннес. Афины заняли Мегары и Пеги, построили для мегарян «Длинные стены», соединив город с Нисейской гаванью, и оставили в Мегарах свой гарнизон. Это создавало для самих коринфян и их колоний на побережье Коринфского залива большую опасность. Владение мегарской гаванью Пеги на побережье Коринфского залива имело для афинян огромное значение, учитывая их стремление добиться господства в Центральной Греции. Из этой гавани афиняне предпринимали рейды вдоль всего побережья Коринфского залива.

В 463 г., когда Кимон еще занимал влиятельное положение в Афинах, афиняне заключили союз с восставшим Египтом и отправили ему на помощь флот, состоящий из 200 кораблей²⁰. Успешные действия афинян в Египте на первых порах²¹ побуждали их к более активным действиям против пелопоннесцев. Этому способствовали и благоприятные обстоятельства, так как Спарта в это время была занята подавлением восстания илотов, а в Афинах победу одержали те политические силы, которые унаследовали от Фемистокла и характер, и направление афинской внешней политики. В 459 г. афиняне, опираясь на союз с аргивянами, предприняли морскую экспедицию против Пелопоннеса и высадились в Галлиях (город расположен в южной части Арголиды). Против афинян объединенными силами выступили коринфяне и эпидавряне и нанесли им поражение²². Состоявшееся после этого сражение на море у острова Кекрифалея (остров расположен в Сароническом заливе между Эгиной и Эпидавром) доставило победу афинянам²³. В этом же году афиняне предприняли военные действия против Эгины²⁴. Фукидид не указывает причин, вызвавших войну между Афинами и Эгиной. Согласно же Диодору (XI, 70, 2—3) главной причиной войны был выход Эгины из состава Делосской симмахии. В состоявшемся морском сражении эгиняне потерпели поражение и потеряли 70 кораблей. Афинские голпеты под началом стратега Леократа высадились на сушу и стали осаждать город Эгину²⁵.

²⁰ О восстании в Египте и договоре с Афинами см. *Herod.*, VII, 7; *Thuc.*, I, 104; *Ktes.*, fr. 63 sqq.; *Diod.*, XI, 71, 3—6; *Plat.*, *Menex.* 241 c; *Aristod.*, II, 3—4; *Just.*, III, 6, 6; *Plut.*, *Them.* 31, 4; *Isocr.*, VIII, 66; *Aelian.*, VII, V, 10; *Aesch.*, *Eumen.* 292—295; *Bengtson H.* Die Verträge der griechisch-römischen Welt. München, 1962, № 137, S. 40. К дискуссии о политических силах в Афинах, заключивших договор с восставшими, а также подготовивших и осуществивших экспедицию в Египет см. *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. V. I. Oxf., 1956, p. 305 ff., 395 ff.; *Barns J.* Cimon and the First Expedition to Cyprus.— *Historia*, 1953, 2, p. 163 ff.; *Scharf J.* Die erste ägyptische Expedition der Athener. Ein Beitrag zur Geschichte der Pentekontäetie.— *Historia*, 1955, 4, S. 308 ff.; *Olmstead A. T.* History of the Persian Empire. Chicago, 1948, p. 303 ff.; *Palmon P.* La politique égyptienne d'Athenes au VI—IV s. av. J.-Ch. Bruxelles, 1965.

²¹ *Thuc.*, I, 104, 2; 109, 2; *Diod.*, XI, 74, 3—4; *Ktes.*, fr., 63; cp. Hill, B 113; ATL, v. III, p. 253, № 37.

²² См. *Thuc.*, I, 105, 1; *Diod.*, XI, 78, 1—2; *Just.*, III, 6, 5—6. К этому см. *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 307 f., *Cloché.* Op. cit., p. 226 suiv.; *Wüst F. R.* Zum Problem «Imperialismus» und «machtpolitisches Denken» im Zeitalter der Polis.— *Klio*, 1932, 32, S. 76 ff.; *Wickert K.* Der peloponnesische Bund von seiner Entstehung bis zum Ende der archidamischen Krieger. Diss. Erlangen—Nürnberg, 1961, S. 62 ff.

²³ См. *Thuc.*, I, 105, 1; *Diod.*, XI, 78, 2; *Just.*, III, 6, 6—7.

²⁴ См. *Thuc.*, I, 105, 2; *Diod.*, XI, 70, 2—3; 78, 3—4.

²⁵ О войне афинян с эгинетами наиболее детальные сведения сообщают Фукидид и Диодор. Диодор рассказывает об этом событии дважды (XI, 70, 2—3 — под 464 г. и XI, 78, 3—5 — под 459 г.). Оба эти сообщения — часто встречающиеся в сочинении Диодора дублиеты (см. *Mess A. von.* Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodoros.—

Положение, сложившееся для пелопоннесцев, особенно коринфян, было катастрофическим. Удерживая контроль над Мегаридой и имея выход в Коринфский залив, афиняне могли совершать рейды против коринфских колоний в этом районе. Наконец, одержав победы в морских сражениях у Кекрифалей и Эгины и осадив город эгинян, афиняне фактически установили морское господство и в Сароническом заливе. Все это побудило Коринф вместе с остальными пелопоннесскими союзниками предпринять поход в Мегариду. Время для этого похода было выбрано наиболее удачное, так как значительная часть афинского войска находилась в Египте, другая часть его осаждала Эгину. Поэтому пелопоннесцы надеялись в лучшем случае изгнать афинян из Мегариды, в худшем — отвлечь войска от Эгины и тем снять осаду города. Афиняне же осознавали сложность своей позиции и тем не менее не желали снимать осаду Эгины. Как отмечает Фукидид (I, 105, 4), они провели тотальную мобилизацию, внося в списки гошлитов *οἱ πρεσβυτάτοι καὶ οἱ νεωτάτοι*. Это войско было отправлено в Мегариду под начальством стратега Миронида. В двух сражениях афиняне добились решительной победы над коринфянами и их пелопоннесскими союзниками (Thuc., I, 105, 3—106; Diod., XI, 79, 3—4).

До 457/456 г. Спарта не принимала активного участия в военных действиях. Инициатива войны была в руках ее главного союзника Коринфа, положение которого было особенно угрожающим. Исследователи часто отмечают, что главной причиной спартанской пассивности был ее традиционный консерватизм, не позволявший ей посылать войска за пределы Пелопоннеса²⁶. Не отрицая присущих Спарте консерватизма и медлительности в осуществлении внешнеполитических мероприятий (ср. Thuc., I, 68—71), мы вместе с тем считаем — и данные источников (Thuc., I, 103; Diod., XI, 84, 7—8) подтверждают это, — что спартанская пассивность в это время скорее объяснялась занятостью лакедемонян борьбой с восставшими.

Хронологические рамки начала и конца восстания илотов в современной литературе все еще остаются предметом дискуссии, что объясняется противоречивостью сведений источников. Фукидид датирует начало восстания 464 г.²⁷ и, принимая десятилетнюю продолжительность восстания, говорит (I, 103, 1), что оно прекратилось после того, как укрепившиеся на Ифоме восставшие сдались лакедемонянам на десятом году (*δέκατω ἔτει*) осады, т. е. в 455/454 г. Диодор (XI, 63, 1—4) считал датой начала восстания 469/468 г. (ср. Schol. Aristoph. Lys. 1144). Он, как и Фукидид, полагал, что война с восставшими длилась 10 лет (Diod., XI, 64, 4), и, каза-

RhM, N. F., 1906, 61, S. 245 ff.). Диодор, получив из различных источников неидентичную информацию об одном и том же событии, недостаточно разобрался в этом и дал ее под разными годами, полагая, что речь идет о совершенно различных событиях. Первое сообщение никак не связано со свидетельствами Фукидида, но из него вытекает важный вывод о том, что эгинеты, ранее входившие в Делосскую симмахию, не выносили диктата афинян и восстали. Хотя о результатах восстания Диодор не говорит, но, основываясь на его втором рассказе и сообщении Фукидида, можно думать, что оно имело некоторый успех. Второй рассказ Диодора не расходится с тем, что сообщает Фукидид. Об отношении Эгины к Пелопоннесскому союзу и Делосской симмахии см. Leahy D. M. Aegina and the Peloponnesian League.— ClPh, 1954, 49, p. 232—243; Wickert. Op. cit., S. 23 ff.; McDowell D. Aegina and the Delian League.— JHS, 1960, 80, p. 118—121. Об афино-эгинской войне 459 г. см. Cloché. Op. cit., p. 229 suiv.; Hembold W. O. Athens and Aegina.— ClPh, 1952, 68, p. 95 ff.; Mattingly H. B. Athens and Aegina.— Historia, 1967, 16, p. 1—5; Podlecki A. J. Athens and Aegina.— Historia, 1976, 25, p. 396—413.

²⁶ См. Kagan. Op. cit., p. 86 ff. См. детальное исследование роли Спарты в первой Пелопоннесской войне: Holladay. Op. cit., p. 54—63; автор объясняет спартанскую пассивность традиционным консерватизмом спартанской внешней политики.

²⁷ Thuc., I, 101, 1—2; ср. также Paus., IV, 24, 5; Plut., Cim. 16.

лось бы, он должен приписать в качестве конечной даты восстания 460/459 г. Однако в другом месте (XI, 84, 8) Диодор отмечает, что восстание закончилось в 456/455 г. Псевдо-Ксенофонт (Ath. Pol. III, 11) указывает на то, что разгром мессенян имел место перед битвой у Танагры, т. е. перед 457 г. (ср. Herod., IX, 35, 2; Paus., III, 11, 8).

Общий вывод, который, как нам представляется, вытекает из анализа источников, заключается в том, что, по-видимому, первые очаги восстания возникли еще до 464 г. Однако своего апогея оно достигло в 464/463 г. — 459/458 г., когда восставшие закрепились в труднодоступных местностях и представляли для лакедемонян большую угрозу. Затем восстание пошло на убыль. Согласно Фукидиду (I, 103, 2), лакедемоняне получили пифийский оракул и в соответствии с ним договорились с ифомцами, что те покинут пределы Пелопоннеса (ср. Diod., XI, 84, 8). В кратком сообщении Фукидида о завершении восстания илотов выражение δεχάτο εἶσι, как признает большинство исследователей, неточно²⁸. Мы полагаем, что обращение спартанцев к Дельфийскому оракулу²⁹ и завершение восстания были непосредственно связаны с походом пелопоннесцев во главе со Спартой в Фокиду и Беотию (ср. Xen., Ath. Pol. III, 11: ἐν ὅσῳ ὀλίγου χρόνου Λακεδαιμόνιοι κατασφραγίσαντο Μεσσηνίους ἐπολεμῶν Ἀθηναίους). Без учета сложившейся для Спарты внешнеполитической ситуации трудно объяснить, почему лакедемоняне на основании договора (Diod., XI, 84, 7 ср. Paus., IV, 24, 7) разрешили закрепившимся на Ифоме восставшим, которые уже более не были способны сопротивляться (что подчеркивает Диодор), покинуть Пелопоннес.

Три наиболее важных союзника Спарты — Коринф, Эпидавр и Эгина — находились в состоянии войны с Афинами и потерпели от них ряд поражений. Эгина находилась под угрозой захвата ее афинянами. Спарта потеряла такого важного члена Пелопоннесского союза, как Мегары. Поэтому если бы в сложившейся ситуации Спарта не помогла своим союзникам, это отрицательно сказалось бы на ее гегемонии. Все это требовало от лакедемонян как можно скорее покончить с затянувшимся на долгие годы восстанием и освободить себе руки для войны с афинянами.

Подавив восстание илотов, лакедемоняне собрали большое войско, включавшее 1500 своих голплитов и 10 тысяч союзников. Поводом для выступления в Центральную Грецию послужила угроза завоевания Дориды Фокидой. Лакедемоняне и дорийцы, жившие в Пелопоннесе, рассматривали Дориду как свою метрополию³⁰. Дорида состояла из четырех общин, одну из которых захватили фокидяне. На помощь жителям Дориды и выступили лакедемоняне вместе с союзниками. Посланный контингент был гораздо больше, чем предполагалось для наказания фокейцев. Как показали дальнейшие события, цели этого похода были более глубокими.

Во главе общепелопоннесского войска был поставлен регент малолетнего спартанского царя Плейстоанакта, сына Павсания, — Никомед, сын

²⁸ Обзор мнений см.: *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971, p. 156 ff.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1969, S. 199, Anm. 3; *idem.* Die Verträge..., S. 40 f., № 138.

²⁹ К дискуссии об аутентичности и датировке этого оракула см. *Parke H. W., Wormell D. E. W.* The Delphic Oracle. V. I. Oxf., 1956, p. 183; v. II, № 115; *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im V. Jh. v. Ch. Inaug. Diss. Erlangen — Nürnberg, 1959, S. 55 f.

³⁰ *Thuc.*, I, 107, 2; ср. *Strabo*, IX, 5, 10, p. 434. См. *Vitalis G.* Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr der Herakliden. Untersucht im Zusammenhang mit der politischen Geschichte des Peloponnes bis auf den ersten messenischen Krieg. Diss. Greifswald, 1930.

Клеомброта³¹. То, что войско возглавил регент Никомед, а не второй царь лакедемонян Архидам, некоторые исследователи рассматривают как доказательство торжества в Спарте военной партии³². Архидам был лидером мирной партии и противником рискованных мероприятий за пределами Пелопоннеса. Однако нельзя согласиться ни с концепцией внутриполитической борьбы в Спарте, предложенной этими исследователями, ни с их интерпретацией назначения Никомеда предводителем пелопоннесского войска.

Внутриполитические отношения в Спарте не характеризовались борьбой партий, поскольку социально-экономическая и политическая структуры спартанского общества отличались отсутствием развитых товарно-денежных отношений и сознательным культивированием полунатурального сельского хозяйства. Своеобразие полисных отношений в Спарте проявлялось в относительной однородности гражданского коллектива, существовавшего в виде так называемой общины равных, в изначальном исключении из состава гражданской общины торговцев и ремесленников и, наконец, в большой влиятельности государства и его институтов, контролировавших все сферы жизни спартанского общества³³. Все это не способствовало созданию в Спарте политических группировок типа афинской демократии и аристократии. Поэтому мы считаем неверным утверждение исследователей о том, что внешняя политика лакедемонян определялась борьбой мирной и военной (или так называемой «империалистской») партий или политических группировок в Спарте³⁴.

Поскольку в спартанском обществе принципы полисного строя нашли наиболее яркое воплощение, а народное собрание, эфорат и герусия представляли весьма внушительную политическую силу, стоящую на охране законов и обычаев лакедемонян, поэтому начиная с середины VI в. они контролировали всю внутреннюю и внешнюю политику Спарты. Политическая борьба здесь проявлялась в форме конфликта полисных интересов с интересами отдельных личностей, царей или военачальников, которые, находясь за пределами Спарты, старались освободиться от полисной опеки. Наиболее яркими примерами подобных конфликтов можно считать случаи с Клеоменом, Павсанием и Лисандром³⁵.

³¹ О спартанской экспедиции в Фокиду см. *Thuc.*, I, 107, 2; *Diod.*, XI, 4—6; *Plut.*, *Cim.* 17, 4; *Arist.*, XIII, 1, p. 255. Ср. *Hampl F.* Die griechische Staatsverträge des IV. Jh. v. Chr. Lpz, 1938, S. 71, ff.; *Wüst.* Op. cit., S. 76 f.; *Gomme.* Op. cit., v. I, p. 313 ff.; *Schober F.* Phokis.— RE, Bd XX, 1, 1941, Sp. 480; *Wickert.* Op. cit., S. 62 ff.

³² См. *Kagan.* Op. cit., p. 87 ff.

³³ См. об этом более подробно: *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса.— В кн.: Античная Греция, т. I, М., 1983, с. 194 сл.; ср. также: *Oliva.* Op. cit., p. 115 ff.

³⁴ Гипотезу о том, что внутриполитические отношения в Спарте характеризовались противостоянием двух группировок, резко различающихся по своим взглядам на внешнюю политику Спарты, выдвигали многие исследователи; см., например: *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy.— *JHS*, 1912, 32, p. 1—42, 22 ff.; *Norvin W.* Zur Geschichte der spartanischen Eunomie.— *Classica et Mediaevalia*, 1940, 3, S. 47 ff.; *Larsen J. A.* The Constitution and Original Purpose of the Delian League.— In: *Harvard Studies in Classical Philology*, 1940, LI, p. 180; *Kagan.* Op. cit., p. 87 ff. В советской литературе такой концепции придерживался С. Я. Лурье (*Плутарх. Избранные биографии. Пер. и комм. С. Я. Лурье.* М., 1941, с. 381, прим. 85; см. также *Паршиков А. Е.* Павсаний и политическая борьба в Спарте.— ВДИ, 1968, № 1, с. 126—138).

³⁵ О Клеомене и Павсании см. наши статьи: Истоки конфликта эфората и царской власти в Спарте.— В кн.: Античный полис. Л., 1979, с. 42—57; Клеомен и Демарат. Особенности политической борьбы в Спарте в начале V в. до н. э.— ВДИ, 1982, № 3, с. 38—49; Павсаний и политическая борьба в Спарте в 70-е гг. V в. до н. э.— В кн.:

Что же касается назначения Никомеда главнокомандующим пелопоннесского войска, то в этом нет никакой «тайны внутривнутриполитических отношений»³⁶, которую пытаются разрешить с помощью концепции партийной борьбы в Спарте. Дело в том, что еще с конца VI в. в Спарте действовал закон, согласно которому во время выступления войска в поход один из царей должен оставаться дома (Herod., V, 75). В данном случае малолетний Плейстоанакт, сын Павсания, еще не мог быть царем, поэтому спартанские власти в соответствии с требованием обычая оставили в Спарте царя Архидама, а с войском отправили регента Плейстоанакта — Никомеда. Внимательный анализ внешнеполитических событий V в. показывает, что спартанцы свято соблюдали это правило.

При интерпретации сведений источников о походе пелопоннессцев в Дориду и последовавшем затем сражении с афинянами в Беотии возникают некоторые трудности. С одной стороны, Фукидид говорит, что вступление пелопоннессцев в Беотию было вынужденным, поскольку они, желая возвратиться на родину, не могли совершить переход через горный хребет Геранею в Мегариде, так как он находился под контролем афинян, и не могли переправиться через Коринфский залив, поскольку это не позволяли им сделать крейсировавшие в заливе афинские корабли (Thuc., I, 107, 2). С другой стороны, Фукидид также сообщает и о том, что некоторые афиняне вели тайные переговоры с лакедемонянами, рассчитывая с их помощью упразднить в Афинах демократический строй и приостановить строительство «Длинных стен»³⁷. Кроме того, другие источники дают основание считать, что перед битвой у Танагры между фиванцами лакедемонянами был заключен союз, согласно которому пелопоннессцы укрепили Фивы и помогли им установить гегемонию над всей Беотией³⁸.

Афиняне, обеспокоенные таким поворотом событий, собрали многочисленное войско, включающее гоппитов и фессалийскую конницу. Битва произошла в Беотии у Танагры в 457 г.³⁹ Победу одержали пелопоннессцы. Немаловажное значение имело то, что фессалийская конница во время сражения перешла на сторону лакедемонян. Однако поскольку убитых было много с обеих сторон, то пелопоннессцы не смогли развить достигнутый успех и вернулись на родину через Мегариду.

Тем не менее кампания у Танагры показала, что афинское господство в Мегарах хотя и было серьезным препятствием для пелопоннессцев, но достаточно преодолимым. Более того, после битвы у Танагры для Афин сложилась довольно напряженная ситуация. Значительная часть афинского войска по-прежнему находилась в Египте, продолжалась осада Эгины,

Проблемы античной государственности. Л., 1983, с. 60—85. О Лисандре см. Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972, с. 42 сл.

³⁶ Kagan. Op. cit., p. 87 ff.

³⁷ Thuc., I, 107, 4, 6; Cp. Plut., Cim. 17. К этому см. Gomme. Op. cit., v. I, p. 314.

³⁸ Diod., XI, 83, 3; Aristid., XIII, 1, p. 256; cp. Just., III, 6, 10—11; Paus., I, 29, 9; Cloché P. Thèbes de Béotie des origines à la conquête romaine. P., 1952, p. 66 suiv.; Gozzoli U. La Beozia durante il conflitto tra l'Ellade e la Persia.— RF, 1958, 36, p. 264 sqq.; Larsen J. A. O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley, 1955, p. 356 ff.; idem. Greek Federal States. Oxf., 1968, p. 32 ff., 122 ff.

³⁹ См. Thuc., I, 107, 6—108; Diod., XI, 80, 2—6; cp. Herod., IX, 35, 2; Plut., Cim. 17, 4—8; Per. 10, 1, 3; Aristod., XIII, 1, p. 256; Just., III, 6, 8—9; Paus., I, 29, 9; III, 11, 8; Corn. Nep., Cim. 3, 2. К этому см. Cloché. La politique..., p. 226 suiv.; Wickert. Op. cit., S. 61 ff.; Cloché P. L'activité militaire et politique d'Athènes en Grèce de 457 à 454.— Rev. Belge Philol. et Histoire, 1946—1947, 25, p. 31 suiv.; ATL, v. III, p. 168—173; Gomme. Op. cit., v. I, p. 168—173; Kagan. Op. cit., p. 86 ff.

афиняне в сражениях потеряли значительное число граждан⁴⁰ и, наконец, Афинам противостояли сильная Беотия, объединенная под главенством укрепленных с помощью лакедемонян Фив, и враждебно настроенная к ним Фессалия (Diod., XI, 80, 3—5). В этих обстоятельствах единственным выходом для Афин было добиваться перемирия со Спартой, о чем мы располагаем целым рядом сведений источников, которые, по-видимому, опираются на какой-то современный этим событиям материал.

Согласно Феопомпу (FGrH II В 115, F 88), не прошло и пяти лет, как Кимон был возвращен в Афины из изгнания, так как афиняне нуждались в мире и надеялись, что Кимон, будучи спартанским проксеном, заключит его в кратчайший срок. Немалую ценность представляют два сообщения Плутарха (Сим. 17,8—18,1; Рег. 10,4), в которых отмечается, что победенные в битве у Танагры афиняне, ожидая летом похода против них пелопоннесцев, вызвали из изгнания Кимона, и тот возвратился по предложенному Периклом постановлению народного собрания. Тотчас же по возвращении Кимон прекратил войну и примирил государства. О четырехмесячном перемирии между Афинами и Спартой и обстоятельствах, при которых оно было заключено, говорит также Диодор (XI, 80, 3—6), правда, не связывая это перемирие с именем Кимона.

Вопрос о заключении Кимоном этого перемирия стал предметом оживленной дискуссии в литературе⁴¹. Большинство исследователей отвергает сообщения источников о досрочном возвращении Кимона из изгнания и заключении им перемирия со Спартой как тенденциозную легенду, возникшую в олигархических кругах Афин. Мы же по определенному ряду соображений склонны признать эту традицию достоверной. Главным является тот факт, что она имеет достаточно широкое распространение и к тому же не противоречит сложившейся тогда для Афин внешнеполитической и внутриполитической ситуации. Нас не должно смущать и то, что о перемирии говорят только поздние авторы и молчит об этом Фукидид: нередко эти авторы сохраняют такие сведения, которые по неизвестным нам причинам упускают историки классического времени (как известно, рассказ Фукидида о Пентеконтаэтии носит характер очерка, в котором автор сообщает только о наиболее важных с его точки зрения событиях). И, наконец, на то, что традиция о перемирии не возникла только в поздней исторической литературе, но восходит к классическому времени, указывают сообщения ораторов Андокида (III, 3) и Эсхина (II, 172). Правда, их сообщения в известной степени путанны, поскольку они (так же как и впоследствии Плутарх) смешивают четырехмесячное перемирие с пятилетним миром, заключенным в 451 г., но путаница, возможно, объясняется тем, что между миром и перемирием был слишком короткий промежуток времени, а Кимон как в том, так и в другом случае выступал в качестве посредника между лакедемонянами и афинянами. Кроме того, после заключения пятилетнего мира между Спартой и Афинами четырехмесячное перемирие потеряло свою остроту и значение, и, может быть, поэтому его не упоминает и Фукидид.

Спартиаты, понесшие значительные потери в сражениях, также были заинтересованы в прекращении войны. Кроме того, они могли иметь дале-

⁴⁰ См. список погибших афинских граждан, принадлежащих филе Эрехтеиде (IG, I², 929; Tod, 26; SEG, X, 406). В этом списке перечислены афиняне, принадлежавшие к одной филе и погибшие в военных операциях только одного года (459 или 458 г. до н. э.).

⁴¹ См. Connor W. R. *Theopompus and Fifth Cent. Athens*. Camb., 1968, p. 24 ff., где дана библиография вопроса; Kagan. *Op. cit.*, p. 91 ff.

ко идущие цели в связи с возвращением Кимона в Афины. Однако условия для заключения длительного мира в Афинах еще не созрели. Понимавший это Кимон, вероятно, удался из Афин в Херсонес. Демос был опьянен успехами, и временная неудача не могла его обескуражить.

Собрав войско, афиняне под предводительством Миронида выступили против беотийцев. В битве при Энофитах (город в Южной Беотии, расположенный на левом берегу реки Асоп) они разбили беотийцев, овладели всей Беотией и Фокидой, срыли укрепления Танагры и взяли в качестве заложников 100 богатейших граждан из локров опунтских⁴². Этот поход имел решающее значение для афинян: они распустили Беотийский союз, созданный с помощью Спарты; добились того, что Фокида стала их союзником (ср. *Thuc.*, I, 111, 1), а также заключили союз с Дельфийской амфикионией⁴³, завладели Локридой Опунтской и получили в свое распоряжение удобную бухту на побережье Эвбейского залива⁴⁴. В это же время после длительной осады Эгина капитулировала, и в соответствии с договором о капитуляции эгиняне должны были срыть свои укрепления, выдать корабли и платить установленный форо.

В 456 г. афинский стратег Толмид совершил плавание вдоль Пелопоннеса⁴⁵. Во время этого плавания афиняне предприняли нападение на Мефону, портовый город в юго-западной части Мессении, однако были отбиты пришедшими на помощь лакедемонянами (очевидно, спартанские войска оставались еще в Мессении после недавнего подавления восстания илотов). После этого афинский флот отправился в Лаконский залив, здесь в районе города Гитии афиняне высадили десант, сожгли корабельную верфь лакедемонян и опустошили территорию. Далее они отправились в Закинф, город, расположенный на одноименном острове в Ионическом море, овладев которым подчинили все города в Кефалении. Об этом походе говорит только Диодор (XI, 84, 6—7), Фукидид сообщает лишь о захвате афинянами коринфской колонии Халкиды, расположенной на южном побережье Этолии, и разгроме сикионян. Тем не менее нет оснований не принимать во внимание сообщение Диодора: рассказ Фукидида настолько краток, что он мог сознательно не упомянуть о некоторых фактах. В результате этой экспедиции афиняне присоединили к своему союзу и Ахайю (*Thuc.*, I, 111, 3; 115, 1; IV, 21, 3; *Plut.*, *Per.* 19, 3). Наконец, Толмид захватил также Навпакт и поселил в нем тех мессенцев, которым лакедемоняне разрешили удалиться из Пелопоннеса (*Diod.*, XI, 84, 7; ср. *Thuc.*, I, 103, 3). В результате этой экспедиции весь Коринфский залив и прилегающие к нему территории оказались под властью Афин.

В заключение необходимо отметить, что рассматриваемый период явился переломным во внешней политике Афин. В это время стали меняться ее характер и направление. Афиняне переключают свое внимание с Эгеиды на Центральную и Южную Грецию, добиваясь укрепления здесь своего

⁴² См. *Thuc.*, I, 108, 2—3; *Diod.*, XI, 81, 4—83; 1; *Aristod.*, XII, 2; *Plat.*, *Menex.* 242 b; *Aristod.*, XIII, 1, p. 256; *Polyaen.*, I, 35, 1—2. Ср. *Cloché.* *L'activité...*, p. 31 suiv.; *Gomme.* *Op. cit.*, v. I, p. 317; *Larsen.* *Greek Federal States*, p. 32 ff., 122 ff.; *Kagan.* *Op. cit.*, p. 95.

⁴³ См. IG, I², 26; *Tod*, 39; *Bengtson.* *Die Verträge...*, № 142, S. 45 f. Ср. *Merritt B. D.* *Athens and Amphictionian League.*— *AJPh*, 1954, 75, p. 369 ff.; *Sordi M.* *La posizione di Delfi e dell' Anfizionia nel decennio tra Tanagra e Coronea.*— *RF*, 1950, 86, p. 48 sqq.; *Meiggs R.* *Athenian Empire.* *Oxf.*, 1972, p. 418—420.

⁴⁴ *Thuc.*, I, 108, 3; *Diod.*, XI, 83, 2—3; *Polyaen.*, I, 35, 2; *Aristid.*, XIII, 1, p. 256.

⁴⁵ См. *Thuc.*, I, 108, 5; *Diod.*, XI, 84; *Polyaen.*, III, 3; *Aeschin.*, II, 75; *Paus.*, I, 27, 5; *Aristod.*, 15, 1; *Plut.*, *Per.* 19, 2. Ср. *Gomme.* *Op. cit.*, v. I, p. 320; *Cloché.* *L'activité...*, p. 31 suiv.; *Wüst.* *Op. cit.*, S. 76 ff.; *Meiggs.* *Op. cit.*, p. 418 ff.

господства. Эти изменения в области внешней политики были тесно связаны с внутриполитическими процессами в Афинах, характеризующимися возрастанием роли афинского демоса (торговцев, ремесленников и моряков) и укреплением позиций афинской демократии, лидеры которой — Эффиальт и особенно Перикл, — окончательно преодолели политическое влияние аристократии, перешли к осуществлению более энергичных и решительных внешнеполитических мероприятий, направленных на достижение безраздельной афинской гегемонии.

В рассматриваемый период афиняне добились важных внешнеполитических успехов, и 455 год явился апогеем афинского могущества во время Пентеконтаэтии. Все области от Коринфского Истма до Малийского залива оказались под контролем Афин. Фессалия, по крайней мере номинально, также зависела от них. Такие дорийские полисы, как Эгина, Мегары, Трезен, стали членами Афинского морского союза. Эгейское море превратилось в афинское море. Ярким доказательством афинских притязаний на господство в Элладе был поход Толмида. Он также показал, что взоры афинян в это время начали уже устремляться на Запад.

Главная причина афинских успехов на этом этапе войны прежде всего объяснялась слабостью и неподготовленностью к военным действиям пелопоннесцев. После завершения первого этапа Греко-Персидских войн в 478 г. Спарта и другие ведущие государства Пелопоннеса активных военных мероприятий против персов не вели. Более того, Спарта столкнулась с целым рядом трудностей в самом Пелопоннесе, виновниками которых были отчасти афиняне и непосредственно Фемистокл. Возникшая затем третья Мессенская война надолго отвлекла Спарту от общегреческой политики. И даже после подавления выступления илотов лакедемоняне должны были в течение некоторого времени держать в Мессении войско с тем, чтобы не допустить новой вспышки восстания.

Таким образом, пелопоннесские государства были разобщены, они не располагали единым войском и флотом, не имели четкого стратегического плана действий и осуществляли главным образом локальные мероприятия оборонительного характера. Единственная широкомасштабная акция, предпринятая пелопоннесцами в рассматриваемое время, — поход Никомеда — не была использована для развертывания широкой наступательной инициативы. Спарта ко всему прочему еще находилась в плену тех иллюзий, что с возвращением Кимона из изгнания изменится характер и цели афинской внешней политики.

! LES RAPPORTS POLITIQUES INTÉRIEURS
ET LES PARTICULARITÉS DE LA POLITIQUE EXTÉRIEURE
DE SPARTE ET D'ATHÈNES DURANT LA PÉRIODE INITIALE
DE LA PREMIÈRE GUERRE DU PELOPONNÈSE

(460—454 av. n. è.)

V. M. Strobeckij

La première Guerre du Péloponnèse ne fut pas, comme l'affirment certains chercheurs modernes, seulement le résultat de l'hostilité irréductible de Corinthe et d'Égine vis-à-vis d'Athènes. Cette guerre fut le fruit d'un conflit entre les deux blocs militaropolitiques qui s'étaient constitués vers la fin des années 60 du Ve s. av. n. è. et qui avaient à leur tête Sparte et Athènes. Le caractère et l'orientation de la politique extérieure de Sparte et d'Athènes étaient conditionnés par les singularités du dévelop-

pement socio-économique et politique de ces *poleis*. Le renforcement des strates démocratiques radicales à Athènes pendant les années 60, l'ascension d'Ephialtès et des autres leaders démocratiques de tendance radicale contribuèrent à renforcer la politique agressive et expansionniste d'Athènes en Grèce continentale, une politique relativement payante qui aboutit à la constitution de l'ainsi—dit «empire terrestre» athénien.

Pour ce qui est de Sparte, elle ne cachait pas non plus ses velléités agressives dans cette guerre. Mais à la différence d'Athènes, elle pratiquait une politique plus conservatrice et était plus lente à réagir, ce qui était dû, d'une part, à son régime socio—politique et, d'autre part, à une suite de difficultés auxquelles elle s'était heurtée à cette époque dans le Péloponnèse. Un des facteurs freinant l'activité politique extérieure des Lacédémoniens était le danger d'une relance de la guerre avec Argos, un allié d'Athènes.

